

А. Г. Периханиян

ARMENO-IRANICA I

В нескольких статьях сасанидского Судебника („Книга тысячи судебных решений“) встречается выражение *vaspuhrakān ī zan*, а также и *pēsikān ut vaspuhrakan ī zan*, на что обратил особое внимание А. Пальяро и предложил свою интерпретацию терминов *vaspuhrakan* и *pēsikān* в Судебнике и свой перевод статей, в которых они отмечены¹. *Vaspuhrakan* данного выражения А. Пальяро рассматривает как форму множественного числа имени существительного *vaspuhrak*, образованного от *vaspuhr* (*vṛddhi* от *vispuhr* „сын рода, принц“), но употребленного в Судебнике в каком-то специфическом значении, а именно „незаконный, внебрачный ребенок“. Также и в *pēsikān* А. Пальяро видит форму множ. числа от *pēsik*, которому он придает значение „прежний“, следовательно, „ребенок от прежнего брака; воспитанник“. В указанных статьях Судебника речь идет, по мнению А. Пальяро, о воспитанниках и внебрачных детях, приведенных женщиной в дом своего мужа, и не подлежащих власти отчима.

Но поскольку основным значением слова *vaspuhrak* для А. Пальяро является „принц крови, племянник царя“, то столь необычное семантическое развитие от этой отправной точки до „незаконнорожденных“ в Судебнике требует специального обоснования. Даваемое им обоснование сводится к следующему. Маздакиты при Каваде совершили переворот и ввели общность жен и имущества, следствием чего явилось расстройство семейных связей. Хосрову пришлось укрепить собственность и восстановить институт семьи. Для этой второй цели он взял под свое покровительство детей-сирот из знати, а также детей, родившихся у знатных женщин в период общности жен, как и вообще знатные семьи, лишившиеся своего *pater familias*. „Добрый монарх,—пишет А. Пальяро,—зарегистрировал сирот как своих детей“. В результате этого царского акта „регистрации“, термин, обозначавший „принца крови“, стал синонимом „незаконнорожденного“, а в *MhD* 101, 11—13 употреблен, если следовать А. Пальяро, применительно к потомству рабыни. Бездоказательность и натянутость подобной интерпретации интересующего нас термина, как и ее обоснования, очевидна, даже если не вступать с автором ее в спор о тех или иных сторонах маздакитского движения и его последствий, как и о возможных мерах ликвидации его Хосровом. Между тем, в среднеперсидских текстах (гл. обр. в „Денкарте“) хорошо засвидетельствовано имя прилагательное *vāspuhrakan* „особый, специальный“ и

¹ А. Pagliaro, Note di lessicografia pahlavica, RSO, XXII, 1947, 63—73.

производные от него: глагол *vaspuhrakanēnitān*, существ. *vaspuhrakanih* „особенность=исключительность“ и др., а армянской язык сохранил заимствованное из парфянского прилагательное *sephakan* (<парф. **vi-sepuhrakan*)², означающее „свойственный, присущий чему-либо, кому-либо; собственный“ (в новоарм. „собственный, частный“; *ser'akanut'ywn* „собственность“). Присутствие этого прилагательного и его производных в среднеперсидских текстах, как и его параллели в армянском, давно и хорошо известно, и, несомненно, учет этого обстоятельства поставил бы исследователя на более твердую почву при интерпретации статей Судебника, несмотря на то, что взаимосвязь (семантическая) между *vaspuhrakan* „особый, специальный“ и *vaspuhr* „принц“ до недавнего времени оставалась невыясненной. Сейчас, благодаря анализу этих терминов, осуществленному В. Б. Хеннингом в специальной статье³, туман рассеялся. В. Б. Хеннинг показал, что термины *vaspuhr* и *vispuhr* соотносятся как *principalis* : *princeps*, и в выражении *pus ī vaspuhr*, служившим для обозначения наследника престола, самое слово *va-puhr* не означает „принц“, как принято было считать, а является прилагательным-*vrddhi* со значением „специальный, занимающий особое положение“; сыном же царя, занимавшим особое положение, мог быть только наследник престола. Нарощением к форме *vaspuhr* суффикса было образовано новое прилагательное *vaspuhrakan*, которое в своем „субстантивизированном“ употреблении служило для обозначения, как показал В. Б. Хеннинг, во-первых, лиц, занимающих особое положение, особенно близких царю людей, *king's „specials“*, иначе говоря, высшую знать государства (ср. определение этого ранга иранской знати в грекоязычных документах парфянской эпохи: *τῶν πρῶτων καὶ προτέρων φιλῶν*), во-вторых, „особую“, т. е. частную собственность, личный домен царя, что отразилось в названии области *Vaspuhrakan* в Персармении, а также в PWN *w'spwtk'n* Накш-и Рустемской надписи. В. Б. Хеннингом отмечено также полное соответствие этому термину арабского *ḥaṣṣ*, „специальный, особый“, применявшегося как для обозначения приближенных правителя (*ḥaṣṣagan*), так и его частной собственности (*mal-i ḥaṣṣ*), и представляющего, несомненно, перевод сасанидского *vaspuhrakan*.

² Арм. *sephakan* вряд ли возникло на армянской почве от арм. *sepuhr* (<парф. *visepuhr*): значение армянского прилагательного полностью соответствует ср.-перс. (=парф.) *vaspuhrakan*, тогда как смысловая дифференциация между арм. *sephakan* и *sepuhr* слишком велика, что делает затруднительным предполагать в армянском независимое развитие, аналогичное произошедшему в западных среднеиранских диалектах. Для объяснения армянского *sephakan* можно предположить наличие в парфянском двух форм, одна из которых—от *vrddhi* (*vaspuhrakan*), а другая—от существительного *visepuhr*—**visepuhrakan*. К семантическому переплетению между понятиями „быть наследником“ и „принадлежность, владение, собственность“ ср. согд. *vispuš* „наследник“ и ср.-п. *xvāstakdar*, „наследник“ (так повсюду в MhD), букв. „тот, кто владеет имуществом“, ср.-п. *xvāstakdarīh* „наследство“, ср. арм. *xostakdar*.

³ W. B. Henning, The survival of an ancient term, „Indo-Iranica“ (Melanges G. Morgenstierne), Wiesbaden, 1964, 95–97.

Ко всему этому, употребление термина *vāspuhrakan* в Судебнике, в контекстах, лишенных двусмысленности, позволяет, как мне кажется, добавить еще одну черту: этим термином пользовались и для определения личного имущества вообще, не только личного имущества царя. Параллелизм конструкций *hač (h)ēr i pus, duxt ut zan i patəx-šayīha* *hač vāspuhrakan i zan ut frazand i sakariha*, встречающихся в одной статье (MhD 32, 16—33, 1), входящей в главу „О содержании одного лица другим“ (*Dar i xvarisn ut darisn i kas hac kas*), не оставляет сомнения в том, что речь идет о „специальном“, „особом“, т. е. личном имуществе, в данном случае, жены-„чэкар“ и ее детей.

„Внебрачные“, „незаконнорожденные дети“, таким образом, сходят со сцены, но остаются еще „прежние“, „дети от первого брака“ или „воспитанники“ — так понимает А. Пальяро слово *pēsikan*, которое четырежды в Судебнике (4, 11; 106, 8; А 2, 8, 10) стоит перед словом *vaspuhrakan* и, несомненно, тесно с ним связано. Как его понимать? Обычным в среднеперсидских текстах словом, означающим „прежний“, является *pēšēnik*, *pēsenak*; форма *pēsik* в подобном значении, насколько мне известно, не засвидетельствована.

Не следует ли видеть и в *pesikan* по форме имя прилагательное, в полном соответствии с *vaspuhrakan*, с которым оно сочетается в текстах? Это могло быть образование от индо-ир. *patiā-*, др.-п. *pasya-* (ср. др.-п. *(h)uvalpasya-* „свой собственный“ > ср.-п. **xve-raš* > маних. *xveṣas* > *xveš*; ав. *хваерауа-*; парф. **vxērēh* > парф.-маних. *vxēreh*), **pasia+k+ana-* — „свой, собственный“, давшее (с регрессивной ассимиляцией гласного) ср.-п. *pesikan*. Ср. также др.-п. *Paīsyahuvada-* „Пасаргады“, букв. „личное обиталище“, „резиденция“ (царя), а не „Home of the Archives and Sacred Writings“, как пытались интерпретировать этот топоним. В парфянском ему соответствовало прилагательное, образованное от существительного (ср. прим. 2), **patikan* (*pati+k+ana-*), сохранившееся в армянском в необъясненном до сих пор прилагательном *patkan*, „присущий, свойственный“, и в его многочисленных производных, например, в глаголе *patkanem* „делать свойственным, присущим“ (отсюда его второе значение: „делать соответствующим, приспособливать“), ср. новоарм. *patkanel* „принадлежать“. Таким образом, парфянизмы в армянском *patkan* и *serphakan* как в этимологическом, так и семантическом отношении соответствуют среднеперсидским *pesikān* и *vāspuhrakān*.

Если такое объяснение приемлемо, то *pesikān ut vāspuhrakān (i zan)* Судебника следует переводить: „свое особое, специальное имущество (жены)“ = „личное имущество (жены)“. Для проверки адекватности такого понимания и для того, чтобы уяснить связанные с нашими терминами реалии, обратимся к тем статьям Судебника, в которых они встречаются.

MhD 4, 11—13: *Hist (rāð) but kē guft ku an i zanih rāð andar burt ciṙon pēsikan ut vāspuhrakān (12) be bārisn ut vindisn i andar za-*

nih <i> be manet u-ž kartak oṙōn apāk ku saxtak be (13) šavet. „О разводе высказывалось такое мнение: то, что было ею принесено при („для“) вступлении в брак, как, например, свое личное имущество, (12) она может (-должна) забрать (=унести), а приобретенное в браке—останется. И (судебная) процедура (или: „установление“) при этом такова, что наделенной („устроенной“, „обеспеченной“) она должна (13) уйти“.

В данной статье личное имущество жены противопоставляется тому доходу, которым муж мог ее наделить в браке тем или иным способом, обычной передачей (dāt, dahišn) или сделав ее, также в легальном порядке, своим сотоварищем (hambāyih, hamvīndisnīh). Это противопоставление и разница в правовом режиме „особого“, личного имущества жены и того, что приобретается ею в браке от мужа, налицо и в других статьях Судебника, а также и в иных памятниках, отражающих, прямо или косвенно, нормы сасанидского права, — образце пехлевийского брачного контракта⁴ и в „Судебнике“ Ишобохта (напр., Isōb. V, 3, § 15). И в следующей за данной статье Судебника (MhD 4, 13—14) говорится о том, что „жена имущество, данное ей мужем в период брака, если он с ее же согласия расторгает с ней брак, не вправе забрать и оно должно остаться у мужа“.

Мы оставим сейчас в стороне вопрос об имуществе, приобретаемом женой от мужа, и о различных правовых аспектах такого рода передач и договоров: об этом речь будет идти в специальном исследовании. Рассмотренными выше терминами определено другое, „особое“, личное имущество жены, право на которое она не теряет и после расторжения брака со своим мужем; более того, именно при выходе из под власти мужа ее право собственности, право распоряжения этим имуществом становится активным. В это имущество входило следующее: а) личные вещи и подарки, полученные женщиной при вступлении в брак от своей семьи или опекуна, принесенные ею в дом мужа; б) *donatio propter nuptias*, та сумма (или ее эквивалентная стоимость), которая в соответствии с гарантийным обязательством жениха в отношении своей будущей жены должна быть выплачена ей (=ее опекуну) в случае развода; сумма эта в пехлевийском брачном контракте определена равной 3000 драхм серебром (размер ее, мог, разумеется, варьировать в разных социальных слоях), среднеперсидский термин, которым она обозначалась, *karēp* (арм. *карēп* = *k'*)⁵; в) имущество, переданное ей в собственность в период брака третьим лицом в легальном порядке, при наличии со стороны мужа декларации об его отречении от своих прав на приобретение передаваемого ею жене имущества (см., напр., MhD 19, 7—10). Это соответствует,

⁴ А. Г. Периханян, Образец пехлевийского брачного контракта, „Сов. этнография“, № 5, 1960, стр. 67—75.

⁵ Более подробно см. об этом в моей статье, „Советская этнография“, № 5, 1960, стр. 72—74.

в целом, *stridhana* древнеиндийского права⁶ и *Gerade* германского. То же, видимо, скрывается и за *γυρδ 'st* „собственное имущество“ согдийского брачного контракта с горы Муг⁷.

MhD 32, 16—33, 1: *Pit ka-š<hač>(h)er <1> ut xvästak i xves nest hač (h)er i pus duxt ut zan (i) patəxšayihā. Pit i cakarihā hač vāspuhrakān i zan ut frazand i čakarihā (1) u-s guharik apāč dahisn.* „Отец, при отсутствии у него своих собственных средств („имущества“), содержится на средства сына, дочери или жены от полноправного брака. Отец „чакар“ (при отсутствии или недостатке у него своих средств—А. П.) содержится на личные средства („из особого личного имущества“) жены и детей от брака „чакар“. (1) И он обязан вернуть им эквивалент (=возместить)“.

MhD 106, 7—9: *Ut apāk ane guft ku ka gōβet (8) ku-m pas hač 10 sāl tan pat zanīh o Mihren dāt pesikān ut vāspuhrakān i (9) andar an ē ka gōβisn gōβet pas hač 10 sāl šōy xveš.* „И вместе (с тем) другое сказано, что если он заявляет: (8) „по прошествии десяти лет я передал тело в жены Михрену“⁸, то личное имущество (жены), которое (9) было у нее в момент декларации, по прошествии десяти лет будет принадлежать мужу“.

MhDA 2, 7—11: *Ka gōβet (8) ku-m tak 10 sāl tan pat zanīh [o Mih]rēn dāt [andar 10 sāl vītart zan] pesikān ut (9) [v]āspuhrakan pat Mihren be mānet. Ka nē apāč ō bun āšarīsn ut vīndīsn i (10) andar 10 sāl Mihren xves. But ke guft ku ān i pat zanīh andar savet pesikān (11) ut vāspuhrakān ne andar vīndīsn.* „Я (сроком) на десять лет тело в жены [Мих]рену передал“, [а в течение 10 лет женщина эта умрет], то ее личное (9) имущество останется Михрену. Если же не (умрет), то должно быть в исходное положение возвращено (т. е. вместе с ней должно быть возвращено ее мужу-заявителю.—А. П.), доход же, (10) получаемый (женщиной) в течение десяти лет, принадлежит Михрену. Было высказано (и такое суждение), что той, которая вступает в брак (=брак-Interim—А. П.), ее личное (11) имущество в (понятие) доход не (следует включать)“.

MhD 101, 11—15: *Apāk anē guft ku bandak-e(v) i Farraxv ut (12) Mihren xves ku Farraxv pat vīndīsn i <ut> bandak bahr i Mihren čis-ič patəxšayih (13) nest pas-ič ka Farraxv bandak bahr i xveš azāt kunet bandak zan ut frazand ō (14) bavet pesikān ut vāspuhrakān i zan andar ō bandak baret u-s hamaδven pat-is (15) be estet.* „Вместе (с тем) и другое сказано, что (если) раб принадлежит Фаррахву и (12) Михрену (=servus communis—А. П.), (поскольку)? Фаррахв в отношении доли Михрена в доходе с раба совершенно никаких

⁶ О *stridhana* см. J. Jolly, *Recht und Sitte*, „Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde“, Bd. II, Heft 8, Strassburg, 1896, стр. 87—89.

⁷ В. А. Лившиц, Юридические документы и письма, „Согдийские документы с горы Муг“, вып. II, М., 1961, стр. 17 сл. Мой перевод MhD 4, 11—12, приведенный в этом издании (стр. 34), подлежит исправлению.

⁸ Декларация о передаче мужем своей жены в брак-Interim другому лицу.

прав (= „власти“) (13) не имеет, то и после того как Фаррахв свою долю раба освободит, а у раба (после акта частичной манумиссии—А. П.) жена и дети (14) появятся („выпадут на его долю“=ав. avi bavaiti), (права на) личное („свое особое“) имущество, которое жена принесет рабу—и целиком („полностью“) —достанутся ему (г. е. Михрену⁹—А. П.)¹⁰.

Ս. Գ. ՓԵՐԻԽԱՆԻԱՆ

ARMENO—IRANICA I

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հոգվածը նվիրված է հայ և միջին իրանյան (պահլավերեն, պարթևերեն) լեզվական կապերը արտացոլող երկու տերմինների (հայ. «սեպհական», «վասպուրական», «պատկան», «պատկանեմ») և նրանց տարբերակների պարզաբանմանը: Միջին իրանյան նյութի ուսումնասիրությունը և համեմատությունը հայերենի տվյալների հետ հնարավորություն են տալիս հանգել հետևյալ եզրակացություններին¹.

1. Հայ. «սեպհական» ածականը չի ստեղծվել հայ. «սեպուհ» (<պարթ. visepuhr «տոհմի որդի, իշխանագն», թագավորագն») գոյականից, ինչպես մինչ այժմ ընդունում էին, այլ առանձին փոխառություն է պարթևերեն visepuhrakān ածականի, որի նշանակությունն էր «հատուկ, մասնավոր, անհատական»: Պարթևերեն այս ածականի vřddhi ձևը՝ vaspuhrakān, շատ լավ հայտնի է պահլավերեն տեքստերից և արձանագրություններից: Ինչպես ցույց է տվել հայտնի իրանագետ Վ. Բ. Հեննինգը, vaspuhrakān տերմինը նշանակում էր նաև Պարսից թագավորի «հատուկ, մասնավոր ունեցվածքը», «սեփականությունը», որտեղից և հայ. «վասպուրական» նահանգի անունը: Այս տերմինի արաբերեն ձիշտ թարգմանությունն է պարսկ. māl-i xass հանրածանոթ տերմինը: Պահլավերեն՝ «հատաստանագրքում նույն բառը գործ է ածվում նաև սովորական անհատների «հատուկ, մասնավոր սեփականություն» իմաստով:

2. Նույն («հատուկ, մասնավոր, անհատական») իմաստն ունի նաև պահլավ. pesikan բառը, որ գտնում ենք գործածած պահլավերեն «հատաստանագրքում vaspuhrakan բառի հետ միասին: Այդ բառի ստուգաբանությունն է pesikan < հին պրսկ. *pasiakana- < հին իրան. patia + k + āna-: Այս տերմինի պարթևերեն (հյուսիս-արևմտյան բարբառ) տարբերակը պետք է լինեի *patikan (< հին իրան. *pati + k + āna-), մի ձև, որը չի պահպանվել մեզ հայտնի իրանական աղբյուրներում, սակայն վերապրում է հայ. «պատկան», «պատկանեմ» և այլն բառերի մեջ:

⁹ Поскольку Фаррахв свою долю в рабе манумитировал, то он лишился и своего господского права собственности на имущество раба (=рабыни), которое теперь безраздельно (разумеется, в пределах его „идеальной доли“) принадлежит Михрену.